

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ	Ilya V. GERASIMOV
Сергей В. ГЛЕБОВ	Serguei V. GLEBOV
Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ	Alexander P. KAPLUNOVSKI
Марина Б. МОГИЛЬНЕР	Marina B. MOGILNER
Александр М. СЕМЕНОВ	Alexander M. SEMYONOV

Рецензии и библиография	Reviews and Bibliography
София ГРАЧОВА	Sofia GRACHOVA

Литплавка и корректура	Style Editing and Proofreading
Инна ХАРИТОНОВА	Inna KHARITONOVA
Тереза М. МАЛХАМИ	Therese M. MALHAME

4/2012

www.abimperio.net

47314

Идея Аллы Зейде
The initial idea of Alla Zeide

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD

- Борис АНАНЬИЧ** (Санкт-Петербургский Институт
российской истории РАН, Россия)
- Jörg BABEROWSKI** (Humboldt University, Germany)
- Seymour BECKER** (Rutgers University, USA)
- Rogers BRUBAKER** (UCLA, USA)
- Mark von HAGEN** (University of Arizona, USA)
- Geoffrey HOSKING** (University of London, UK)
- Miroslav HROCH** (Charles University, Czech Republic)
- Ярослав ГРИЦАК** (Інститут історичних досліджень Львівського
національного університету імені Івана Франка, Україна)
- Рафаил ГАНЕЛИН** (Санкт-Петербургский Институт российской
истории РАН, Россия)
- Peter GATRELL** (University of Manchester, UK)
- Искандер ГИЛЯЗОВ** (Казанский государственный университет, Россия)
- Andreas KAPPELER** (University of Vienna, Austria)
- Maria KOVACS** (CEU, Hungary)
- Jan KUSBER** (Mainz University, Germany)
- Dieter LANGEWIESCHE** (Tübingen University, Germany)
- Kimitaka MATSUZATO** (Hokkaido University, Japan)
- Alfred RIEBER** (CEU, Hungary)
- William ROSENBERG** (University of Michigan, USA)
- Darius STALIŪNAS** (Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania)
- Yuri SLEZKINE** (University of California at Berkeley, USA)
- Ronald SUNY** (University of Chicago, USA)
- Richard WORTMAN** (Columbia University, USA)
- Serhy YEKELCHYK** (University of Victoria, Canada)

Вилма ЖАЛТАУСКАЙТЕ

**ИМПЕРСКАЯ ВЛАСТЬ
И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЕ ДУХОВНЫЕ
СЕМИНАРИИ ПОСЛЕ 1863 г.***

После восстания 1863 г. власти Российской империи выдвинули цель – ослабить в так называемом Северо-Западном крае (СЗК) влияние польской политической и культурной традиции, отождествляемой ими с дворянством – традиционной социальной политической элитой края. По убеждению властей культурная и политическая ориентация римско-католического духовенства была близка политическим идеалам этой элиты. Поэтому предпринятые репрессивные и ограничительные меры направлялись и против упомянутой социальной группы – католического духовенства.

В этой статье рассматривается отношение властей к учебным заведениям духовенства – римско-католическим духовным семинариям Самогитской (Тельшевской) и Виленской епархий – в контексте антипольской политики.¹ Нас интересует, влияла ли (и если да, то как)

* Автор признательна Д. Сталюнасу, М. Долбилу, а также редакторам и анонимным рецензентам *AI* за ценные советы по статье.

¹ Двойное название Самогитской (или Тельшевской) епархии (и семинарии) было зафиксировано в соглашении 1847 г. между Апостольским престолом и Российской империей. В 1865 г. при перенесении капитула и семинарии из Варняй в Каунас (Ковно), в так называемый центр губернии, ее название не было изменено. В статье используется наиболее распространенное в историографии название – Самогитская епархия и семинария. В сносках на документы оставлен вариант оригинала (В. Ж.).

упомянутая антипольская политика империи на смену социального контингента семинарий, подразумевала ли она протектирование и позитивную дискриминацию в пользу крестьян – не поляков, выбравших карьеру римско-католического духовенства. Именно о позитивном выделении властями крестьян, “простонародья”, в католическом клире можно прочесть как в литовской,² так и в новейшей российской историографии.³ Мы рассмотрим инициативы местных чиновников в этой области и соответствующую реакцию на них центральной администрации.

Для нашего исследования важен подход Андреаса Каппелера, который в своей модели империи выделил три иерархии лояльности: политическую, сословную и культурную. Для каждой характерны свои

Самогитская епархия объединяла Ковенскую и часть Курляндской губернии. (В 1882 г. в них насчитывалось 1.112.404 жителя римско-католического вероисповедания). См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 100. Статистические сведения о римско-католическом духовенстве [1882 г.]. Л. 1-2.

В 1869 г. к Виленской епархии (охватывавшей Виленскую и Гродненскую губернии) по инициативе светской власти была присоединена Минская епархия (охватывавшая Минскую губернию). После соглашения 1882 г. между Апостольским престолом и Российской империей Минская епархия была подчинена Могилевской архиепархии. Виленская семинария до соглашения 1882 г. готовила духовенство и для Минской епархии. (В 1882 г. в этих трех губерниях насчитывалось 1.261.975 римско-католиков). См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 100. Статистические сведения о римско-католическом духовенстве [1882 г.]. Л. 1-2.

² Ieva Šenavičienė. Katalikų bažnyčios 1865 m. religinė kova ir jos reikšmė lietuvių tautiniam atgimimui // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 2000. XLIV. Pp. 22-34. Отметим, что в позднейших работах Ева Шенавичене отмечает, что в период движения за защиту католицизма связь между крестьянством и католической церковью еще более укрепилась, а это в свою очередь подрывало надежды властей на использование крестьян как опоры при достижении своих целей (См.: Ieva Šenavičienė. Dvasininkija ir lietuviybė: Katalikų bažnyčios atsinaujinimas Žemaičių vyskupijoje XIX a. 5–7-ajame dešimtmetyje. Vilnius, 2005. P. 262).

³ Михаил Долбиллов считает, что в конце семидесятих годов XIX в. А. Мосоловым были выдвинуты новые задачи политики в отношении католицизма. “Важнейшей из них было изменение этнического состава учащихся духовных семинарий”, посредством чего предполагалось “образовать в среде римско-католического духовенства партию, верную правительству, вышедшую из среды народа и воспитанную под влиянием к любви к отечеству” (см.: М. Долбиллов. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. Москва, 2010. С. 695). Анализируя ситуацию в семинарии в Каунасе, он пишет о “попытках виленских властей повлиять на кадровый состав и источники пополнения католического духовенства” (Там же. С. 346).

критерии, но все три типа лояльности имперскому режиму тесно связаны между собой. Со временем менялось как восприятие этнических групп в связи с этой иерархией, так и реальное значение самих иерархических структур.⁴ Каппелер утверждает, что в 1863–1864 гг. власть пыталась изменить расположение структурных элементов сословной иерархии, противопоставляя высшему сословию, польским панам, крестьян – поляков, литовцев, белорусов, украинцев.⁵ С другой стороны, Каппелер указывает на применение политики *divide et impera*, выразившееся в кооперации властей с новой элитой.⁶ Можно ли увидеть эти процессы, т.е. попытки изменить расположение структурных элементов сословной иерархии и применить политику *divide et impera*, в действиях властей, направленных на формирование римско-католического клира в епархиях так называемого Северо-Западного края?

Данное исследование разделено на два периода: 1864–1878 гг. и 1882 гг. – конец XIX в. При всей условности подобной периодизации, мы считаем, что 1878–1882 гг. являются важной вехой в антипольской политике в так называемом Северо-Западном крае. В это время происходит изменение политической ситуации:⁷ 1878 г. – начало понтификата нового папы Льва XIII, а 1881 г. – начало правления нового императора Александра III. Кроме того, в 1878–1882 гг. велись переговоры между Российской империей и Апостольским престолом, результатом которых стало официальное возобновление отношений между обеими сторонами и подписание 24 декабря 1882 г. нового соглашения. В этом соглашении, помимо прочего, оговаривались новые принципы функционирования семинарий в Российской империи.⁸ Правда, понятие “новые” в этом контексте весьма относительное, поскольку представители Российской империи на втором этапе

⁴ А. Каппелер. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. Москва, 1997. С. 129.

⁵ Там же. С. 129.

⁶ А. Каппелер. Центр и элиты в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700–1918 гг.) // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 17-58

⁷ З. П. Яхимович. Россия и Ватикан: проблемы дипломатических взаимоотношений в конце XIX – начале XX в. (по материалам АВПРИ) // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века / Под. ред. Е. С. Токаревой и А. В. Юдина. Санкт-Петербург, 2003. С. 62-63.

⁸ Vilma Zaltauskaitė. Rusijos – Apaštaly Sosto santykių pokyčiai XIX a. paskutiniiais dešimtmečiais // Lietuvių Katalikų mokslų akademijos metraštis. XXIII. Vilnius, 2003. Pp. 213-228.

переговоров с Апостольским престолом⁹ были уполномочены придерживаться официальных установок, не изменившихся в течение последних 15 лет: "...разобщить католицизм с полонизмом и сделать из семинарий рассадники пастырей католической церкви, а не вождей национального польского движения".¹⁰ Риторика властей и в первые годы после восстания, и на рубеже 1870–1880-х гг. оставалась той же, и "деполонизация" как цель не отменялась. Однако в результате соглашений с Апостольским престолом изменились практики "деполонизации". Наряду с радикальными административными мерами стали внедряться и новые, направленные на реализацию упомянутого соглашения. Так, были попытки реформировать устав семинарий, действовавший с 1843 г.,¹¹ вводился контроль за учебно-воспитательным процессом в семинариях и особенно за преподаванием тех предметов, которые велись на русском языке (русский язык, история и география; теологические предметы преподавались на латыни). Учитывая, что в 1870-е гг. в дополнительное католическое богослужение вводится русский язык, можно говорить, что после 1878–1882 гг. имперские власти стали более систематически заниматься вопросами подготовки католического клира, хотя семинарии не были переданы в подчинение Министерства народного просвещения.

1864 – 1878–1882 годы

В первые годы после восстания "деполонизация"¹² означала довольно жесткие экономические и культурные санкции, направленные как против социальной элиты так называемого Северо-Западного края,¹³

⁹ Михаил Бутенев (представитель Министерства иностранных дел) и Александр Мосолов (представитель МВД, Департамента духовных дел иностранных исповеданий – ДДДИ).

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 378. (Без автора) Записка по вопросу о римско-католических семинариях. Л. 1.

¹¹ Литовский государственный исторический архив/Lietuvos valstybės istorijos archyvas (далее LVIA). Ф. 696. Оп. 2. Д. 368. Устав семинарий (копия) 19 ноября 1843 г. Л. 17-26.

¹² Использование термина "обрусение" и его содержание в разные периоды было проанализировано Д. Сталюнасом. В этой связи им рассматривался и термин "располячение", который, по мнению некоторых бюрократов, более точно определял суть политики властей в так называемом Северо-Западном крае. См.: Darius Staliūnas. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam and New York, 2007. Pp. 64-65; 69-70.

¹³ Более подробно о различных аспектах и методах политики см.: Ibid. Pp. 71-296.

так и против католического духовенства.¹⁴ Анализ этнополитической программы виленского генерал-губернатора Михаила Муравьева (1863–1865)¹⁵ подводит к мысли, что при приеме кандидатов в семинарии¹⁶ он должен был отдавать предпочтение лицам, принадлежавшим к крестьянскому сословию. Однако это предположение не подтверждается действиями генерал-губернатора: при нем в Самогитскую семинарию новых студентов не набирали,¹⁷ в семинарии в Вильнюсе (Вильно) штат учащихся тоже не был заполнен.¹⁸ Эта ситуация в Самогитской семинарии длилась до 1870 г.,¹⁹ а в Виленской – до 1872-го.²⁰ Ревизионная комиссия в 1866–1868 гг. проверяла работу семинарий и делала соответствующие предложения,²¹ но они не воплотились в практику, хотя могли влиять на приостановление приема в семинарии.

В то время власть была более заинтересована в изменении соотношения авторитета духовной власти, т.е. епископа, и светской. Чиновники старались уменьшать влияние епископов: в 1863 г. был сослан епископ Виленский А. Красинский, епископ Самогитский Мотеюс Валанčius в 1865 г. переселен в центр губернии – город Каунас (Ковно). В 1866 г. был разорван конкордат с Апостольским престолом, в 1869 г. Минская епархия по инициативе светской власти была присоединена к Виленской²² (Апостольский престол этих административных изменений не признавал до соглашения 1882 г.).

¹⁴ Долбилов. Русский край. С. 227-457.

¹⁵ Darius Staliūnas. Kai kurie Michailo Muravjovo etnopolitinės programos bruožai (1863–1865) // Praeities baruose. Vilnius, 1999. Pp. 197-210.

¹⁶ 22 мая 1864 г. Западный комитет распорядился принимать кандидатов в католические духовные семинарии только с согласия генерал-губернатора / РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 378. Сообщение директора ДДДИИ при МВД от 19 октября 1884 г. министру внутренних дел. Л. 64.

¹⁷ Vytautas Merkys. Motiejus Valančius. Tarp katalikiškojo universalizmo ir tautiškumo. Vilnius, 1999. P. 605.

¹⁸ LVIA. Ф. 378. 1872 г. Общий отдел (далее – О.О.). Д. 1198. О Виленской семинарии в 1863–1872 гг. Л. 3; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 452. Об убыли воспитанников и о поступающих в Виленскую семинарию. Л. 1-52.

¹⁹ Merkys. Motiejus Valančius. P. 611.

²⁰ LVIA. Ф. 696. Оп. 2. Д. 368. Проект необходимых изменений в Виленской семинарии. Л. 56; LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Информация Виленской римско-католической духовной семинарии 4 октября 1880 г. представленная канцелярии Виленского генерал-губернатора. Л. 172; Jan Kurczewski. Biskupstwo Wileńskie. Wilno, 1912. S. 339.

²¹ Merkys. Motiejus Valančius. P. 610; Долбилов. Русский край. С. 346-347.

²² Долбилов. Русский край. С. 602-708.

Заметим, что и в первое десятилетие после восстания власти шли на уступки в конфессиональной политике: ослабляли некоторые санкции, пересматривали репрессивные меры и методы.²³ Однако более характерной чертой этого периода все же являлось самовольство светской власти, нарушение церковного права и в целом довольно радикальные проекты по отношению к Римско-католической церкви. В годы генерал-губернаторства Александра Потапова (1868–1874) наблюдалось скорее некоторое смягчение административных мер по отношению к традиционной элите края,²⁴ а не позитивная переориентация на крестьянское сословие и расширение его социальной роли. Исследования бюрократического регулирования контингента Самогитской семинарии в Каунасе (Ковно) также не свидетельствуют об особом внимании властей к лицам из крестьянского сословия.²⁵ Условия приема в семинарии, которые могли быть главным механизмом регулирования социальной структуры учащихся, не изменились. При Потапове действовали правила, оговоренные в семинарском уставе 1843 г.: поступить на учебу могли лишь лица, имевшие свидетельство об окончании четырех классов гимназии. Это правило, безусловно, затрудняло поступление в семинарию крестьян, так как возможность учиться в гимназиях для них ограничивалась законом. Нужно отметить, что в 1871 г. было разрешено принимать в семинарии лиц, выдержавших экзамен на уровень четырех классов гимназии, но только в гимназии *того города, в котором находилась семинария*. Это указание должно было гарантировать более тщательный контроль за поступающими, но не давало преимуществ для того или иного сословия. При проверке политической благонадежности исключений не делали: проверяли и крестьян, и мещан, и дворян.

Анализируя то, как меры властей по деполонизации края могли влиять или не влиять на социальный контингент семинарий, следует иметь в виду, что 1870-е гг. в конфессиональной политике властей

²³ В 1868 г. фиксируется некоторое ослабление репрессивной конфессиональной политики и отказ от насильственных практик. Эта своеобразная “оттепель” была связана с позицией генерал-губернатора Александра Потапова и со сменой политической линии центральной власти. См.: Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. Москва. 2006. С. 263, 276; Staliūnas. Making Russians. Pp. 154, 158-159.

²⁴ А. А. Комзолова. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. Москва, 2005. С. 287.

²⁵ Vilma Žaltauskaitė. Žemaičių seminarija Rusijos valdžios projektuose (XIX a. 7–8 dešimtmečiai) // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 2002. LII. Pp. 39-45.

отмечены попытками реализовать обширный проект лингвистической ассимиляции – ввести русский язык в дополнительное католическое богослужение. Разрешение на использование русского языка в католическом богослужении содержалось в императорском указе от 25 декабря 1869 г. Как подчеркивает Долбилов, изначально указ содержал принципы добровольности, веротерпимости и “заботы реформистского государства о сознательной религиозности подданных”.²⁶ Однако “при первых же проявлениях недовольства переменой со стороны паствы эти меры были переведены на рельсы узко понятой деполонизации ‘исконно русского края’...”.²⁷ Все же важно не упускать из виду то, что еще до указа 25 декабря 1869 г. действовали высочайше утвержденные правила от 21 февраля 1869 г. для Западного края о надзоре за преподаванием в римско-католических семинариях русского языка и экзамене для духовных лиц, поступающих на должности законоучителей.²⁸ Эти правила были обращены не на паству, а на будущих пастырей и появились в связи с введением преподавания в школах Закона Божия воспитанникам римско-католического исповедания на русском языке.²⁹ В Северо-Западном крае эти нововведения вводились в 1863–1866 гг.³⁰

Вначале реализовать проект введения русского языка в дополнительное католическое богослужение власти стремились посредством уже служащего духовенства.³¹ Однако в 1870–1872 гг. эта стратегия не оправдала ожиданий властей. Епископ Самогитский М. Валанчюс отказался использовать напечатанный на русском языке католический ритуал (*Rituale Sacramentorum*) – требник – в своей

²⁶ Долбилов. Русский край. С. 674, 706.

²⁷ Там же. С. 706.

²⁸ LVIA. Ф. 378. 1869 г. О.О. Д. 897. Обращение министра внутренних дел к виленскому генерал-губернатору от 28 февраля 1869 г. Л. 1-2. Правилами определялось назначение на службу законоучителей, только если те выдерживали экзамены по общеобразовательным предметам – русскому языку, отечественной истории и географии, усиливался контроль за преподаванием общеобразовательных предметов на русском языке в римско-католических семинариях, а оценки по общеобразовательным предметами играли решающую роль при приеме в семинарии, переводе и выпуске.

²⁹ LVIA. Ф. 378. 1869 г. О.О. Д. 897. Обращение министра внутренних дел к виленскому генерал-губернатору от 28 февраля 1869 г. Л. 1.

³⁰ Staliūnas. Making Russians. Pp. 160-163.

³¹ А. А. Смоленчук. Попытки введения русского языка в католическое богослужение в Минской и Виленской диоцезиях 60–70-е годы XIX в. // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 20. Vilnius, 2002. P. 142.

епархии.³² В Виленской (и Минской) епархии его использовали,³³ но не так часто, как надеялись власти. Тогда внимание властей и обратилось на учебные заведения духовенства – семинарии. Замысел непосредственно затронул Виленскую семинарию, которая готовила духовенство, в том числе для Минской епархии, где поначалу как раз и собирались ввести русский язык в дополнительное католическое богослужение.³⁴ Власти интересовали не социальные параметры контингента семинарий, а способность семинаристов употреблять русский язык.

Тем не менее, когда в 1876 г. рассматривался вопрос о введении преподавания требника на русском языке в Виленской семинарии, высказывались положительные мнения по поводу римско-католического духовенства из крестьянского сословия. В частности за привлечение крестьян выступали Фердинанд Сенчиковский,³⁵ ксендз Минской епархии, и Александр Копцегович, прелат Виленского капитула.

Сенчиковский несколько раз (1871, 1874³⁶ и 1876) обращался со своими предложениями в Министерство внутренних дел (МВД) и встречался с директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Эммануилом Сиверсом.³⁷ В апреле и июне 1876

³² Merkys. Motiejus Valančius. Pp. 697-698.

³³ А. В. Жиркевич. Из-за русского языка. Вильно, 1911. Ч.1. С. 300-301; Смоленчук. Попытки введения. Pp. 146, 148.

³⁴ Кстати, обращение виленского генерал-губернатора от 28 марта 1876 г. к министру внутренних дел показывает, что предложение о введении преподавания требника на русском языке не был забыто и в Самогитской епархии. Его обсуждало МВД в 1875 г., после смерти епископа М. Валанчюса. Следует отметить, что генерал-губернатор признавал важность этого вопроса, но предлагал подождать более благоприятных условий для его реализации, а пока особое внимание уделить обучению русскому языку в школах. См.: Edvardas Vidmantas. Religinis tautinis sąjūdis Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje – XX a. Pradžioje. Vilnius, 1995. P. 189 (Публикация обращения виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора от 28 марта 1876 г. к министру внутренних дел. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 272. Л. 269-274.)

³⁵ Более подробно о его деятельности см.: Долбилов. Русский край. С. 632-700.

³⁶ Биограф Ф. Сенчиковского А. Жиркевич утверждает, что Ф. Сенчиковский представил свои предложения по поводу реорганизации семинарий Э. Сиверсу в письме от 27 апреля 1874 г. (№ 980). См.: Жиркевич. Из-за русского. С. 303-306. В РГИА хранится письмо от 27 апреля 1876 г. (№ 980), идентичное выше цитируемому А. В. Жиркевичем. Однако это не опровергает наличие предложений 1874 г. В письме от 27 апреля 1876 г. говорится о том, что почти два года назад Сенчиковский лично представил донесение о ситуации в епархии и переходе в дополнительное богослужение с польского языка на русский. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Письмо Сенчиковского Ф. от 27 апреля 1876 г. Сиверсу Э. Л. 8.

³⁷ Жиркевич. Из-за русского. С. 28; Смоленчук. Попытки введения. Pp. 144, 147-148.

года³⁸ Сенчиковский предлагал меры к “обрусению католицизма”. В частности в противовес “польским панам” и “польской шляхте”,³⁹ составлявшим, по его мнению, основной контингент Виленской семинарии, он предлагал принимать лиц из низших сословий. Сенчиковский допускал, что среди них будут не окончившие средние учебные заведения либо “окончившие уездные училища, а равно и с домашним только приготовлением”. Главное, чтобы “поступающие были бы из крестьян и мещан, но из таких, которые по своей бедности не заражены польско-политическим фанатизмом”.⁴⁰

Довольно радикальные предложения Сенчиковского не были детально рассмотрены центральной властью. Вряд ли в то время можно было вообще надеяться на одобрение предложений такого рода. Центральная власть, прежде всего МВД, не спешила рассматривать их в одностороннем порядке. Вопросы, касающиеся деятельности семинарий, а также римско-католической духовной консистории и академии, которые Сенчиковский тоже предлагал реорганизовать, должны были согласовываться с высшей церковной властью – Апостольским престолом. Мнение католической церкви все же принималось в расчет, хотя официальные отношения с ней были прерваны. К тому же уже шли переговоры об открытии новой семинарии в Санкт-Петербурге для Могилевской архиепархии.⁴¹

Предлагая реформы Виленской семинарии, А. Копецевич действовал не по своей инициативе,⁴² но действовал старательно. Так,

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Замечание от 2 июля 1876 г. о представленных Сенчиковским Ф. и Макаревичем С. проектах семинарий. (С. Макаревич свой проект представил 31 мая.) Л. 13–20. Черновик проекта Ф. Сенчиковского, представленного министру внутренних дел 3 июня 1876 г., цит. по: Жиркевич. Из-за русского. С. 306–309.

³⁹ Жиркевич. Из-за русского. С. 307.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Вопрос обсуждался и в 1873–1876 г., но окончательно решен не был. В 1877 г. он обсуждался вновь в контексте проектов изменений уставов римско-католических семинарий. LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Письмо Макова Л. от 20 сентября 1877 г. Альбединскому П. Л. 29.

⁴² Колесо бюрократических обсуждений завертелось после официального запроса от 8 декабря министра внутренних дел Александра Тимашева виленскому генерал-губернатору П. Альбединскому. В нем выражалось беспокойство по поводу введения русского языка в дополнительное богослужение в Минской губернии и обращалось внимание на необходимость специальной подготовки ксендзов в Виленской семинарии. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Конфиденциальное письмо министра внутренних дел Тимашева А. от 8 декабря 1876 г. виленскому

он призывал понизить требования к поступающим,⁴³ что увеличивало бы шансы поступления в семинарию лиц из крестьянского сословия. Предложения Копцеговича обсуждались в МВД, но решение вопроса было отложено.⁴⁴ В подготовленном в МВД проекте устава семинарий 1877 г. сохранялось условие четырехклассного гимназического образования.⁴⁵

При обсуждении вопроса о реорганизации семинарий виленский генерал-губернатор Петр Альбединский (1874–1880)⁴⁶ не комментировал

генерал-губернатору Альбединскому П. Л. 23. П. Альбединский попросил виленского губернатора рассмотреть этот вопрос, тот, в свою очередь, обратился к администратору Виленской епархии, а тот – к прелату капитулы А. Копцеговичу. В такой же очередности были получены и ответы. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Копия отношения виленского губернатора от 23 декабря 1876 г. виленскому генерал-губернатору. Л. 43-45. 22 декабря виленский губернатор переслал отзывы П. Жилинского – администратора Виленской епархии и прелата А. Копцеговича. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Л. 33, 34-42.

⁴³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Отношение от 22 декабря 1876 года Петру Жилинскому. Л. 39.

⁴⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 457. Отношение [? 1878 года] по поводу смены ректора Виленской семинарии. Л. 13-16; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Справка Мамонова Д. от 28 января 1877 г. Л. 60-68.

⁴⁵ LVIA. Ф. 378.1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Отношение министра внутренних дел Тимашева А. от 25 июня 1877 г. виленскому генерал-губернатору Альбединскому П. с подготовленным проектом устава семинарий. Л. 13.

⁴⁶ П. Альбединского следует причислить к умеренным администраторам края. Благодаря его усилиям в 1878 г. были смягчены некоторые меры, стесняющие деятельность католической церкви (запреты на возведения крестов и проведение церковных процессий в Ковенской губернии), см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее – ОР РНБ). Ф. 16. Д. 53. Письмо Альбединского П. от 7 декабря 1879 г. императору Александру II (копия с автографом). Л. 5; Romos katalikų ir jų dvasininkų teisių varžymai Rusijos imperijos Šiaurės Vakarų Krašte 1864–1901 m. Parengė Vytautas Merkys. Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. t. 20. Vilnius, 2002. Pp. 262-264, 279-283. Позднее, правда, весьма неудачно он принимал меры, чтобы облегчить и устранить часть санкций, введенных после восстания и направленных против Католической церкви и поляков (генерал-губернатор предлагал отменить запрет на церковные процессии также в Виленской и Гродненской губерниях, разрешать читать проповеди викариям и снять процентный налог с поляков). Он критиковал политику Муравьева, считал, что насильственные меры вызывали соответствующую негативную реакцию католиков, способствовали формированию отрицательного образа православных и самой православной веры. См.: ОР РНБ. Ф. 16. Д. 53. Письмо Альбединского П. от 7 декабря 1879 г. императору Александру II (копия с автографом). Л. 4, 12; ОР РНБ. Ф. 16. Д. 56. Письмо Альбединского П. от 29 января 1880 г. министру внутренних дел. Л. 9-10; Комзолова. Политика самодержавия. С. 336.

условия приема в семинарии, хотя признавал необходимость реформ семинарского образования.⁴⁷ Однако он предлагал повременить с введением преподавания требника на русском языке.⁴⁸ В восприятии Альбединского религия была гарантом социальной стабильности и поэтому не являлась главным направлением антипольской политики. В деле “располячения” этот чиновник больше полагался на долгосрочные программы в системе образования и официальные соглашения с Апостольским престолом. Радикальные русификаторские меры, по его мнению, угрожали социальной стабильности края. В то же время генерал-губернатор ставил под вопрос не саму цель – “обрусение, или располячение края”,⁴⁹ а методы ее достижения. В “антипольских” мерах власти он усматривал сословный аспект и хотел его сохранить. Это следует из программы уступок, которую предлагал Альбединский: упразднение процентного налога лицам польского происхождения должно было удовлетворить ожидания высшего социального сословия края, а уступки по отношению к католической церкви – ожидания народных масс.⁵⁰ Основная линия напряжения для него проходила только между “русским” и “польским” обществами. Низшее сословие – народ – в его глазах не имел этнических признаков. В его текстах это только “народная масса”, “массы простого народа”, “простой народ” или “население”. Поэтому неудивительно, что Альбединский не уделял особого внимания вопросу об этническом и сословном составе поступающих в семинарии.⁵¹

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. [Начало 1878 г.] Копия отчета виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора по управлению краем за 1874, 1875, 1876 и 1877 г. Л. 30-31.

⁴⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Конфиденциальное письмо виленского генерал-губернатора Альбединского П. от 27 декабря 1876 г. министру внутренних дел Тимашеву А. Л. 57.

⁴⁹ РНБ ОР. Ф. 16. Д. 51. [Начало 1878 г.] Копия отчета виленского, ковенского и гродненского губернатора по управлению краем за 1874, 1875, 1876 и 1877 г. Л. 27.

⁵⁰ РНБ ОР. Ф. 16. Д. 58. Записка Альбединского П. о мерах по расширению прав католической церкви и отмене процентного сбора с дворянства. [Начало 1880 г.?]. Л. 2.

⁵¹ Следует указать, что А. Комзолова в предлагавшихся Альбединским уступках католической церкви видит совсем иное содержание. Она считает, что “общая же цель предложений Альбединского, вероятно, заключалась в стремлении с помощью уступок привлечь в лагерь правительства местное католическое духовенство, особенно высших иерархов, пользовавшихся авторитетом у паствы и ксендзов. Хотя, возможно, для Альбединского важнее было не столько расположить духовенство к власти, сколько изменить отношение самого правительства к католическому духовенству”. См.: Комзолова. Политика самодержавия. С. 330.

Имея в виду позицию Альбединского, заметим, что в конце 1870-х годов существовала и другая позиция. Александр Мосолов,⁵² чиновник особых поручений МВД, после посещения осенью 1878 г.⁵³ Виленской и Самогитской семинарий обратил внимание и на сословие будущих ксендзов, и на уровень их образования. Он отметил, что в Самогитской семинарии 3/4 обучающихся – крестьяне, а в Виленской – немало крестьян из Ковенской губернии.⁵⁴ Данные о сословном положении принятых в семинарии в 1877–1878 гг. довольно близки этим сведениям: в Самогитской семинарии лиц из крестьян было 80%, из дворян – 20%; в Виленской семинарии учащихся из крестьян – 64% (всего 14 лиц, 13 – из Ковенской губернии), из дворян – 27%, городского сословия – 9%.⁵⁵ А. Мосолов не собирался делать уступок по вопросу образовательного ценза будущего духовенства ни при поступлении в семинарии, ни при обучении в них: “...как бы не уменьшалось число семинаристов, а священники всегда будут. Только опыт показывает, что люди невежественные, с властью и влиянием в среде народной всегда опаснее людей хорошо образованных. Живой пример тому в духовенстве Тельшевской епархии и в его ожесточенном влиянии на ход последнего мятежа в Ковенской губернии”.⁵⁶ Духовенство из крестьян Ковенской губернии ему не казалось надежнее духовенства из дворян. Оценивая значимость образования в подготовке лояльного духовенства, он не забывал и о других мерах, таких как уменьшение влияния епископа,⁵⁷ контроль светской власти над семинариями, “русские” общеобразовательные предметы в программах обучения. Эти меры, по мнению Мосолова, должны были гарантировать должную “правильную” подготовку духовенства из любого сословия. Мосолов говорил, что нет оснований сожалеть об уменьшении представителей

⁵² Кстати, А. Мосолов окончательно отклонил предложенный Ф. Сенчиковским проект реформы семинарий (Жиркевич. Из-за русского. С. 427-428.) и остановил его карьерный рост (Долбилов. Русский край. С. 697-698).

⁵³ LVIA. Ф. 378. 1878 г. О.О. Д. 402. Письмо министра внутренних дел Тимашева А. от 28 ноября 1878 г. виленскому генерал-губернатору Альбединскому П. Л. 1.

⁵⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Записка Мосолова А. об осмотре Виленской и Ковенской римско-католических семинарий. Л. 73, 76.

⁵⁵ По данным о принятых в семинарии лицах. См.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 319. Л. 1-52; LVIA. Ф. 378. 1878 г. О.О. Д. 324. Л. 1-50; LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 384. Л. 1-24; LVIA. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2409. Л. 8-11, 15, 20, 26-27, 30, 35, 121-124.

⁵⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Записка Мосолова А. об осмотре Виленской и Ковенской римско-католических семинарий. Л. 75.

⁵⁷ Там же. Л. 73.

дворянства в духовенстве,⁵⁸ но при этом не считал нужным и уступки поступающим в семинарии крестьянам. Актуальнее ему казалось соперничество за влияние на семинарии церковной и светской власти, а не регулирование социального состава обучающихся в семинариях. Именно в этом контексте следует оценивать предложения управляющего Виленской епархией прелата П. Жилинского, которые в письме в МВД комментировал виленский генерал-губернатор Э. Тотлебен (1880–1884).⁵⁹ Образовательный ценз для поступающих в семинарию не был понижен, хотя прелат просил именно об этом. Также и относительно других вариантов решения проблемы недостатка духовенства министр внутренних дел ожидал завершения переговоров с Римом.⁶⁰

После соглашений 1882 г. – конец XIX в.

В конце 1878 г. начавшиеся и несколько лет длившиеся переговоры с Апостольским престолом приостановили реформу семинарий. Однако последовавшие в 1882 г. соглашения о семинариях не дали оснований хоть как-то скорректировать социальную структуру этих учебных заведений. Власть обязала епископов подготовить новый устав семинарий. В 1880-е гг. готовились и обсуждались разные проекты устава, но условия приема так и не были изменены: четырехклассное гимназическое образование кандидатов удовлетворяло требованиям как светской, так и церковной власти.

Все же попытки повлиять на состав поступающих были, в первую очередь, со стороны местной администрации края. Во время обсуждения проекта устава семинарий новый виленский генерал-губернатор Иван Каханов (1884–1893) обеспокоился, как бы поляки не вытеснили из семинарий “литовцев и жмудинов”. Поэтому он предложил, чтобы контингент обучающихся в семинариях в процентном отношении соответствовал бы “племенному” контингенту епархий, для которых готовилось духовенство.⁶¹ С этим предложением он обратился в 1884 г. в МВД, а в 1887 г. – в Министерство народного просвещения.

Такая постановка вопроса, предполагающая использование этнических категорий, создает впечатление, что генерал-губернатор

⁵⁸ Там же. Л. 74.

⁵⁹ Долбилов. Русский край. С. 351.

⁶⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 450. Конфиденциальное письмо от 13 марта 1881 г. министра внутренних дел Макова Л. виленскому генерал-губернатору Тотлебену Э. Л. 108.

⁶¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 378. Письмо Каханова И. от 13 ноября 1884 г. директору ДДДИИ Кантакузену-Сперанскому М. Л. 80-81.

руководствовался понятием этничности, обусловленным культурными критериями. Это говорило бы об изменении в мышлении и политике чиновников, т.е. о том, что в контексте антипольской политики становятся важными и другие этнические группы. Однако когда генерал-губернатор говорил о гарантиях для поступающих в семинарии “литовцах”, он имел в виду доступ для лиц из крестьянского сословия. Культурное и языковое своеобразие этих “крестьян” не являлось для него важным критерием. Михаилу Кантакузену-Сперанскому, директору ДДДИИ, Каханов писал, что достижение выдвинутых целей предполагает ослабление влияния поляков на преимущественно крестьянское население края, на которое особое “нравственное” влияние оказывает духовенство. Поэтому чем меньше среди духовенства будет элементов, разделяющих стремления “польской партии”, тем меньше эти стремления проникнут в народ.⁶² Генерал-губернатор приводил данные об этническом составе семинаристов Самогитской семинарии: поляков среди них было 3,65%.⁶³ Однако генерал-губернатор нигде не указывал, что именно эта цифра и должна стать ограничивающим процентом для поляков в семинариях. Не пояснил он и критерии, по которым поляки должны были выделяться из других групп. Каханов заметил, что в Виленской семинарии большинство учащихся было польского происхождения, и им покровительствовал епископ Карл Гриневицкий. В то же время литовцы и жмудины притеснялись.⁶⁴ Данные о сословном составе обучающихся в семинарии показывают, что в 1884 г. половину (а в 1883 г. больше чем половину) составляли дворяне и городское

⁶² Там же. Л. 78-79; LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Письмо Каханова И. от 13 ноября 1884 г. директору ДДДИИ Кантакузену-Сперанскому М. (копия). Л. 276.

⁶³ И. Каханов указал, что в Тельшевской семинарии из 137 учащихся 36,5% составляли жмудины, 58,4% – литовцы, 3,65% – поляки, 1,45% – немцы. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 378. Оригинал письма Каханова И. от 13 ноября 1884 г. директору ДДДИИ Кантакузену-Сперанскому М. Л. 80. Эти подсчеты были сделаны по представленной ковенским губернатором [?] Мельницким информации от 3 ноября 1884 г., по которой в семинарии было 80 литовцев, 50 жмудинов, пять поляков, два немца. LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Л. 273. Кстати, по данным ковенского губернатора о числе всех жителей-католиков в губернии, процентное отношение литовцев и поляков к общему числу студентов семинарии было слишком велико, а жмудинов – слишком мало: всего католиков было 1.024.135, жмудинов – 581.552 (56,81%), литовцев – 364.560 (35,6%), латышей – 3145 (0,3%), поляков – 26.982 (2,63%), немцев – 600 (0,06%), белорусов – 47.296 (4,6%). LVIA. Там же. Л. 274-275.

⁶⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 378. Оригинал письма Каханова И. от 13 ноября 1884 г. директору ДДДИИ Кантакузену-Сперанскому М. Л. 80.

сословие.⁶⁵ Та же тенденция наблюдалась несколько лет спустя,⁶⁶ и даже в конце XIX в.⁶⁷ (но число дворян уменьшалось, а число мещан росло). Представители этих сословий как раз и беспокоили генерал-губернатора Каханова. Именно их он считал “лицами польского происхождения”, влияние которых следовало уменьшать.

Более подробные предложения на этот счет генерал-губернатор изложил в отчете императору об управлении краем за 1884–1886 гг.⁶⁸ Он предлагал целый ряд мер, благодаря которым было бы уменьшено влияние “поляков” в крае. Особое внимание Каханов обращал на семинарии, для поступления в которые считал нужные ввести более строгие правила: принимать лиц только с гимназическим образованием, поднять уровень образования в самих семинариях, особенно по предметам, преподававшимся на русском языке. Он напоминал о запрете (от 27 мая 1864 года) лицам польского происхождения занимать должности, состоявшие “в непосредственном прикосновении с народом”,⁶⁹ и

⁶⁵ На втором курсе (приняты с 23 марта 1883 г.) было девять дворян (двое из Ковенской губернии), один мещанин и десять крестьян (пятеро из них из Ковенской губернии) // LVIA. Ф. 378. 1883 г. О.О. Д. 293. О лицах, поступающих в Виленскую римско-католическую духовную семинарию. Л. 1-35 // LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Список учащихся на втором курсе семинарии (1 января 1885 г.). Л. 300 // Там же; Список учащихся в Виленской семинарии (июль 1886 г.). Л. 425-426. На первом курсе (курс собран в 1884 г.) было девять дворян (двое из Ковенской губернии), шесть мещан, пять крестьян (двое из Ковенской губернии). См.: LVIA. Ф. 378. 1884 г. О.О. Д. 762. О лицах, поступающих в Виленскую римско-католическую духовную семинарию. Л. 1-36; LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Список учащихся на первом курсе Виленской семинарии (1 января 1885 г.). Л. 300.

⁶⁶ К июлю 1886 г. в Виленской семинарии было 19 (38%) дворян, мещан – девять (18%), крестьян – 22 (44%). В то же время в Самогитской семинарии – 24 (21%) дворян, мещан – пятеро (4%), крестьян – 88 (75%). См.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. 1 часть. Данные Правления Виленской семинарии от 4 июля 1886 г.; письмо ректора Самогитской семинарии от 7 июля 1886 г. Л. 424-433.

⁶⁷ В Виленскую семинарию поступали: 22% дворян, мещан – 28%, крестьян – 50%. LVIA. Ф. 378. 1898 г. О.О. Д. 565. О лицах поступающих в Виленскую и Телшевскую семинарии. Л. 1-4.

⁶⁸ Справка к внесенному по Высочайшему повелению всеподданнейшему отчету за 1902–1903 гг. о состоянии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства (Составлена канцелярию Комитета министров) // Библиотека РГИА (выписки сделаны в 1999 г.); РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 378. Выписка из журнала Департамента духовных дел иностранных исповеданий о переписке, длившейся с 14 января 1884 г. по 1 августа 1886 г. насчет отчета виленского генерал-губернатора. Л. 120.

⁶⁹ Справка к внесенному по Высочайшему повелению... Л. 46.

предлагал либо запретить лицам польского происхождения поступать в семинарии Северо-Западного края, либо “по крайней мере, число воспитанников семинарий из поляков ограничить процентным отношением, соответствующим проценту поляков к общему числу католиков в Северо-Западном крае”.⁷⁰ Конкретный ограничивающий процент Каханов не указывал, однако в том же отчете отмечалось, что поляки в трех губерниях края составляют 15,58% от общего числа всех лиц римско-католического исповедания. Наверное, эта цифра и имела в виду как ограничивающий процент для “лиц польского происхождения” в семинарии.

Позднее генерал-губернатор распорядился ограничить процент поляков в семинариях до 10%.⁷¹ Однако данные о фактически принятых в семинарии показывают, что 10%-ного ценза строго не придерживались, и сам инициатор процентной нормы строго не ограничивал социальный контингент учащихся в семинариях по сословному признаку. И крестьян, и “лиц польского происхождения дворянского сословия” при поступлении в семинарии проверяли на политическую благонадежность. Таким образом, в политике по отношению к семинариям выделение поляков осуществлялось через

⁷⁰ Там же.

⁷¹ В 1891 г. администратор Виленской епархии Антон Андзевич прислал генерал-губернатору прошение об увеличении числа клириков в Виленской семинарии. Об этом И. Каханов информировал нового министра внутренних дел Ивана Дурново. Каханов разрешил увеличить число семинаристов, но с условием, чтобы число поляков среди них не превышало 10%. См.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 2. Отношение виленского генерал-губернатора Каханова И. от 29 марта 1891 г. министру внутренних дел Дурново И. Л. 60. Министр такое требование не одобрил, хотя утверждал, что все зависит от позиции генерал-губернатора. См.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 2. Отношение министра внутренних дел Дурново И. от 16 апреля 1891 г. виленскому генерал-губернатору Каханову И. Л. 66. Тогда такое же требование Каханов переслал виленскому и ковенскому губернаторам, утверждая, что эта мера даст возможность получить духовное образование лицам из беднейшего крестьянского сословия и “литовского племени”. См.: Архив Каунасской области (Kauno apskrities archyvas, далее – КАА). Ф. I-50. Оп. 1 (канцелярия ковенского губернатора). Д. 22891. Отношение виленского генерал-губернатора Каханова И. от 20 сентября 1891 г. ковенскому губернатору Клингенбергу Н. Л. 53. Ковенскому губернатору, приславшему ему документы желающих поступить в семинарию, Каханов велел доставить документы о политической благонадежности дворян польского происхождения, т.е. проверить благонадежность родителей поступающих. См.: КАА. Ф. I-50. Оп. 1. Д. 22891. Отношение виленского генерал-губернатора Каханова И. от 20 сентября 1891 г. ковенскому губернатору Клингенбергу Н. Л. 54.

сопоставление этнических и сословных категорий. Другие предложения Каханова показывают, что поляк для него был не только социальной (сословной), но и политической (связанной с “польской партией”), и культурной (связанной с религией) категорией.

Упомянутые предложения Каханова были обсуждены высшими властями империи и отклонены. Их не поддержал министр внутренних дел Дмитрий Толстой. Позицию министра разделял обер-прокурор Священного синода Константин Победоносцев.⁷² Судьба предложений генерал-губернатора показывает, что от местной администрации ожидали скорее контроля и выполнения уже существующих постановлений и мер, а не самостоятельных инициатив, которые бы корректировали политику центральных властей. В центре и на уровне руководства краем по-разному понимали саму проблему. Представитель местной администрации стремился бороться с “польской пропагандой” и ее влиянием на простой народ (католиков).⁷³ Поэтому он не только обратил внимание на подготовку духовенства в семинариях, но и вновь поднял вопрос об использовании русского языка в дополнительном католическом богослужении, позитивно отзываясь также об использовании в богослужении литовского, жмудского и белорусского языков.⁷⁴ В этом смысле он доверял и “не полякам” – крестьянскому элементу как возможному противовесу польскому влиянию в крае.

Министр внутренних дел воспринимал проблему более глобально – как борьбу с “воюющим католицизмом”.⁷⁵ Он утверждал, что правительство достигает своих целей “постоянством и настойчивостью”,⁷⁶ поэтому новые меры, могущие вызывать “неудовольствие и смуту”, считал сомнительными.⁷⁷ Именно к таким мерам министр относил предложение ограничить поступление в семинарии для лиц “польского происхождения”. По его мнению, эту меру невозможно было осуществить в крае, “населенном преимущественно поляками”.⁷⁸ Кроме того, в этой мере он увидел явное политическое содержание, которое могло возбудить “напрасное раздражение национальных

⁷² Справка к внесенному по Высочайшему повелению... . Л. 52, 53.

⁷³ Там же. Л. 43, 47.

⁷⁴ Там же. Л. 44-46.

⁷⁵ Только позже католичество в Западном крае он связал с “польским элементом” и отождествил со стремлением поляков к независимости. См.: Там же. Л. 47-48.

⁷⁶ Там же. Л. 48.

⁷⁷ Справка к внесенному по Высочайшему повелению... . Л. 48.

⁷⁸ Там же. Л. 52.

чувств поляков”.⁷⁹ Каханов говорил о крестьянах, оберегаемых от влияния поляков, а министр опасался реакции поляков. Вряд ли в конце 1880-х гг. министр мог верить в то, что край “населен преимущественно поляками”. Скорее всего, это была часть риторики, политический способ обосновать действия властей.⁸⁰ Блокируя предложения Каханова об использовании русского и местных языков в дополнительном богослужении,⁸¹ он прежде всего хотел уберечь православных от влияния католиков⁸² и только потом “массы народа” – от влияния поляков. По его мнению, с введением русского в католический культ, местное “ополяченное” население могло потерять интерес “к возвращению в общую русскую семью”.⁸³ Представитель центральной администрации не хотел создавать предлог для усиления этнического своеобразия и самовыражения “народа”. В проявлениях этнического своеобразия он усматривал опасность для стабильности государства и даже конкретно указывал, что этническое своеобразие особенно опасно в случае литовцев, так как их “этнические границы” переходят границы государства, а в другом государстве уже существует движение, цель которого “поднять жмудско-литовскую народность”.⁸⁴

Таким образом, отклоняя предложения местной администрации, министр внутренних дел империи декларировал стабильность и постоянство политики властей и нежелание придавать антипольской политике четко выраженного в законах содержания. Центральная власть опасалась не только реакции поляков, но и возможного выражения современного национализма других этнических групп.

Можно утверждать, что во взгляде на римско-католические духовные семинарии столкнулись позиции местной и центральной власти. Первая хотела решать проблему “влияния поляков” посредством

⁷⁹ Там же. Л. 60.

⁸⁰ История карт Родрига фон Эркерта (*Roderich von Erckert*) также показывает, что процент поляков в крае умышленно старались увеличить как аргумент в пользу обоснованности антипольской политики властей в Северо-Западном крае. Французский и русский варианты карт отличались. В первом была увеличена территория проживания белорусов и украинцев, во втором – поляков. См.: Vytautas Petronis. Constructing Lithuania. Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914 // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in History*. № 91. Stockholm, 2007. Pp. 200–203.

⁸¹ Справка к внесенному по Высочайшему повелению... . Л. 54, 55.

⁸² Там же. Л. 57.

⁸³ Там же. Л. 49.

⁸⁴ Там же. Л. 55.

ограничения поступления в семинарии дворянства и мещан – сословий, отождествляемых с польской культурой. Вторая стремилась сохранять постоянной сословную структуру общества как гарант его стабильности. Имперские власти не устраивала социальная мобильность крестьян, поэтому их не интересовали меры к увеличению возможностей избирать выходцами их крестьян карьеру римско-католического священника.⁸⁵

Новый министр народного просвещения Иван Делянов тоже не разделял желание Каханова защитить “крестьянский элемент” в духовенстве. Делянов согласился на уступки для поступающих в Шавельскую гимназию (Ковенская губерния) крестьян, которые намеревались выбрать карьеру ксендза,⁸⁶ но те же льготы при поступлении во все прочие гимназии Западного края отклонил.⁸⁷

⁸⁵ Об этом и других причинах выбора карьеры духовенства см.: Vilma Žaltauskaitė. Luomas ir etniškumas dvasininkų rengimo reformų projektuose. XIX a. paskutinieji dešimtmečiai // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis XX. 2002. Pp. 197-213.

⁸⁶ В июне 1887 г. министр народного просвещения Иван Делянов наряду с введением numerus clausus для евреев распространил так называемый циркуляр о “кухаркиных детях”, который ограничивал возможности лиц из низших сословий, желавших обучаться в гимназиях и прогимназиях (см.: А. Е. Иванов. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Москва, 1999. С. 213-214). Когда директор Шавельской гимназии (Ковенская губерния) поднял вопрос о том, можно ли принимать в гимназии детей тех крестьян, которые намерены позже поступать в семинарию, попечитель Виленского учебного округа Николай Сергиевский не имел возражений. По его мнению, ксендзы крестьянского происхождения с образованием, полученным в государственных школах, были более благонадежны, чем шляхта или лица, дома подготовившиеся к вступительным экзаменам (см.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Записка канцелярии Виленского учебного округа от 28 июля 1887 г. виленскому генерал-губернатору. Л. 483). Каханов разделял мнение Сергиевского. Министр народного просвещения также не имел ничего против такого порядка приема крестьян в Шавельскую гимназию (о согласии министра народного просвещения от 18 августа 1887 г. см.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Обращение попечителя Виленского учебного округа Сергиевского Н. от 28 сентября 1887 г. виленскому генерал-губернатору Каханову И. Л. 506).

⁸⁷ Каханов сопротивлялся распоряжениям, ограничивавшим возможности обучения крестьянских детей в гимназиях и прогимназиях Западного края. Он не хотел, чтобы поляки вытеснили “крестьянский элемент” из гимназий и чтобы в семинариях польские дворяне сменили до сих пор преобладавших там детей крестьян (“белорусов, литовцев и жмудинов”) (см.: LVIA. Ф. 378. 877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Отношение попечителя... Сергиевского Н. от 23 февраля 1888 г. Л. 508). Выше упомянутой запиской был дан ответ на запрос И. Каханова от 18 августа 1887 г. Такие же запросы в августе 1887 г. генерал-губернатор выслал и губернаторам. Попечитель Виленского учебного округа представил статистические данные, которые показали, что крестьяне из других гимназий Северо-Западного края почти не

С точки зрения лояльности властям проводить различие между духовенством из крестьян и духовенством из дворян становилось все труднее. По мнению чиновников Министерства народного просвещения – инспекторов Виленского учебного округа – даже духовенство крестьянского происхождения из семинарий выходило с антирусской (антиправославной) установкой. Отчеты инспекторов показывают, что в 80-е гг. XIX в. при оценке образовательного уровня студентов Самогитской семинарии смягчающим обстоятельством служило то, что там училось много юношей из крестьян.⁸⁸ Подобный социальный состав семинаристов признавался характерной чертой Самогитской семинарии, но уже в конце XIX в. он расценивался не как смягчающее обстоятельство, но препятствие к распространению в ней русского языка.⁸⁹ При оценке семинарий все важнее становился уровень преподавания общеобразовательных предметов, которые читались на русском языке. Более пристальное внимание к этим предметам означало усиление надзора над учебным процессом в семинариях, но не контроля

поступали в семинарии. Поэтому он утверждал, что предложенная мера не может быть основой политики поддержки в духовенстве “крестьянского элемента” как противовеса другим сословиям (см.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. 1 часть. Отношение попечителя... Сергиевского Н. от 23 февраля 1888 г. Л. 508). Мнение попечителя учебного округа разделял министр народного просвещения (см.: LVIA. Ф. 378. 1877 г., О.О. Д. 379. 1 часть. Отношение попечителя... Сергиевского Н. от 23 февраля 1888 г. Л. 510).

⁸⁸ В отчетах инспектора за 1883/84 – 1885/86 уч. гг. указывается, что уровень обучения русскому языку в Тельшевской семинарии был удовлетворительным и даже МВД не видело необходимости менять программы обучения русского языка, истории или соответствующее количество уроков. Было предложено образование в Виленской семинарии упорядочить по примеру Тельшевской семинарии. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 607. [Приблизительно 1896 г.] Записка Световидова Н. о римско-католических духовных семинариях в империи. Л. 41–46; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 433. Копия отчета инспектора Виленского учебного округа Попова А. об экзаменах в Тельшевской семинарии за 1883–1884 гг., Копия отчета инспектора ... Попова А. об экзаменах в Виленской семинарии за 1883–1884 гг. Л. 5–14, 18–42. Инспектор Виленского учебного округа, принимавший участие в окончательных и переводных экзаменах в Тельшевской семинарии, утверждал, что, принимая во внимание то, из каких школ приняты учащиеся, их уровень знания русского языка весьма удовлетворительный. Инспектор констатировал, что почти 2/3 выдержавших экзамен в Тельшевскую семинарию, представили свидетельства гимназий Прибалтийского учебного округа. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 433. Копия отчета инспектора... Попова А. ... за 1883–1884 гг. Л. 8.

⁸⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 433. Копия предложений инспектора... Одинцова Н. от 27 июля 1890 г. Л. 136–137, 144–145.

над социальным составом семинаристов. Власти не предпринимали мер, которые бы регулировали социальную структуру студентов семинарий Северо-Западного края. Так, свидетельство “аптекарского ученика”,⁹⁰ признаваемое при поступлении в семинарии с 1883 г.,⁹¹ продолжало действовать. Это свидетельство можно было получить во всех гимназиях и прогимназиях империи, в экзаменационных комитетах при учебных округах, предварительно выдержав экзамен уровня трех классов, а с 23 января 1876 года – четырех классов гимназии. Наличие свидетельства “аптекарского ученика” не давало права перехода в пятый класс гимназии и, соответственно, обладателям такого свидетельства путь в высшие учебные заведения был закрыт. Дальнейшая их деятельность строго регламентировалась. Можно, конечно, сказать, что разрешение 1883 г. создавало большие возможности для крестьян, желавших учиться в семинариях. Но, с другой стороны, оно лишало их выбора, поскольку, кроме семинарии, наличие свидетельства “аптекарского ученика” не вело их никуда. Таким образом, власть стремилась отвлечь лиц, принадлежавших к низшему социальному сословию, от средних и высших учебных заведений. Эта мера обуславливала сословную и профессиональную замкнутость. С ее помощью старались не только преодолеть нехватку римско-католического духовенства, но и ограничивать социальную активность крестьянства, обеспечивая тем самым стабильность сословной структуры общества.

Власти также не пытались уменьшить число семинаристов с аттестатами гимназий так называемых “остзейских губерний”, т.е. Прибалтийского учебного округа.⁹² Лица, окончившие эти учебные

⁹⁰ См.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. д. 379. Часть 1. Отношение попечителя... Н. Сергиевского Н. от 8 ноября 1883 г. администратору канцелярии виленского генерал-губернатора Гревеницу Н. Л. 225-229.

⁹¹ В конце 1883 г. был приостановлен указ 1871 г. (лица, не окончившие четырех классов гимназии и желающие учиться в семинарии, должны держать соответствующего уровня экзамен в гимназии того города, в котором находилась семинария), которое гарантировало более жесткий контроль за образовательным уровнем семинаристов. В конце 1883 г. лицам, имевшим свидетельства “аптекарского ученика”, разрешили поступать в семинарии. См.: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Д. 379. Часть 1. Отношение министра внутренних дел Толстого Д. от 21 декабря 1883 г. временно занимающему должность виленского генерал-губернатора Никитину А. Л. 235.

⁹² К примеру, в 1898 г. среди учащихся на первом – третьем курсах Виленской семинарии лица, имевшие свидетельства гимназий Прибалтийского учебного округа, составляли 8,45%, а в Самогитской семинарии – 65,57%. Подсчитано по: LVIA. Ф. 378. 1877 г. О.О. Часть 2. Д. 379. Списки студентов 1–3 курсов Виленской и Тельшевской римско-католических семинарий. Л. 225-228.

заведения, лучше владели немецким, чем русским языком. Центральная власть не обращала внимания на предложения местной администрации Северо-Западного края⁹³ и представителей Министерства народного просвещения изменить социальный контингент семинарий и таким образом повлиять на позиции духовенства.

После восстания 1863 г. в римско-католических духовных семинариях так называемого Северо-Западного края происходила заметная смена социального контингента: увеличивалось число обучающихся из крестьянского сословия. Однако это был не прямой, а лишь косвенный результат антипольской политики властей, направленной на минимизацию влияния в обществе традиционной элиты края – дворянства. Центральная власть осознанно не прибегала к политике *divide et impera* и социальной инженерии, которая могла бы привести к росту числа лиц крестьянского происхождения в римско-католическом духовенстве (как противовес духовенству из высшего социального сословия). Имперский центр не собирался признавать или поощрять этничность “крестьянских народов” – литовцев и белорусов. Проявления модерного национализма этих этнических групп не давали повода властям верить в их лояльность.

SUMMARY

In her article, Vilma Žaltauskaitė scrutinizes official attitudes toward spiritual educational establishments, such as the Roman Catholic spiritual seminaries of the Samogid (Tel'shevskii) and Vilna (Vilnius) dioceses, in the light of imperial anti-Polish policy. She investigates whether local and central authorities were interested in changing the social composition of students of these seminaries (and if so – in which directions), and whether they pursued any protective measures in support of future Catholic priests from among the peasants who were regarded as representing a “non-Polish” social stratum in the Western imperial borderlands. The author proposes a thorough analysis of local initiatives in this sphere and the reactions of the

⁹³ В 1897 г. ковенский губернатор Сергей Суходольский предлагал отменить разрешение поступать в семинарии со свидетельством “аптекарского ученика”. Тогда в семинарии поступало бы больше лиц из государственных школ, “где господствуют русские начала и воззрения”, и среди них только небольшой процент составили бы “носители польской идеи” и “религиозные фанатики”. См.: Библиотека РГИА. Отчет ковенского губернатора Суходольского С. за 1897 год. Л. 9.

central imperial bureaucracy to them. She concludes that after 1863, no direct measures were introduced to regulate the social composition of the student body in the region's spiritual seminaries, and only general measures of the imperial authorities against the traditional Polish elite in the region could have indirectly influenced this composition. In other words, one cannot talk about modern "social engineering" aimed at restructuring the Roman Catholic Church in the region as a peasant social institution, and thus a non-Polish one. The central authorities were reluctant to directly endorse the ethnicity of "peasant nations" such as Lithuanians and Belarusians through special social policies.

BIBLIOGRAPHY

- Dolbilov, Mikhail. *Russkii kraj, chuzhaia vera: etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow, 2010.
- Iakhimovich, Z. P. *Rossii i Vatikan: problemy diplomaticheskikh vzaimootnoshenii v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam AVPRI) // Rossiia i Vatikan v kontse XIX – pervoi treti XX veka / Pod. Red. E. S. Tokarevoi i A. V. Iudina*. St. Petersburg, 2003. Pp. 58-79.
- Ivanov, A. E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachalo XX veka*. Moscow, 1999.
- Kappeler, Andreas. *Mazepintsy, malorossy, khokhly: ukraintsy v etnicheskoi ierarkhii Rossiiskoi imepii // Rossiia–Ukraina: istoriia vzaimootnoshenii*. Moscow, 1997. Pp. 125-144.
- Kappeler, Andreas. *Tsentr i elity v Gabsburgskoi, Rossiiskoi i Osmanskoi imperiakh (1700–1918 gg.) // Ab Imperio*. 2007. No. 2. Pp. 17-58.
- Komzolova, A. A. *Politika samoderzhaviiia v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform*. Moscow, 2005.
- Kurczewski, Jan. *Biskupstwo Wileńskie*. Wilno, 1912.
- Merkys, Vytautas. *Motiejus Valančius. Tarp katalikiškojo universalizmo ir tautiškumo*. Vilnius, 1999.
- Petronis, Vytautas. *Constructing Lithuania. Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914 // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in History*. No. 91. Stockholm, 2007.
- Romos katalikų ir jų dvasininkų teisių varžymai Rusijos imperijos Šiaurės Vakarų Krašte 1864–1901 m. Parengė Vytautas Merkys // *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*. t. 20. Vilnius, 2002. Pp. 247-322.

- Smolenchuk, A. A. Popytki vvedeniia russkogo iazyka v katolicheskoe bogosluzhenie v Minskoi i Vilenskoj diotseziikh 60–70-e gody XIX v. // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. t. 20. Vilnius, 2002. Pp. 141-154.
- Staliūnas, Darius. Kai kurie Michailo Muravjovo etnopolitinės programos bruožai (1863–1865) // Praeities baruose. Vilnius, 1999. Pp. 197-210.
- Staliūnas, Darius. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam and New York, 2007.
- Šenavičienė, Ieva. Dvasininkija ir lietuvybė. Katalikų bažnyčios atsinaujinimas Žemaičių vyskupijoje XIX a. 5–7-ajame dešimtmetyje. Vilnius, 2005.
- Šenavičienė, Ieva. Katalikų bažnyčios 1865 m. religinė kova ir jos reikšmė lietuvių tautiniam atgimimui // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 2000. XLIV. Pp. 22-34.
- Vidmantas, Edvardas. Religinis tautinis sąjūdis Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje – XX a. Pradžioje. Vilnius, 1995.
- Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii / Ed. M. Dolbilov, A. Miller. Moscow, 2006.
- Zhirkevich, A. V. Iz-za russkogo iazyka. Vilno, 1911.
- Žaltauskaitė, Vilma. Luomas ir etniškumas dvasininkų rengimo reformų projektuose. XIX a. paskutiniai dešimtmečiai // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis XX. 2002. Pp. 197-213.
- Žaltauskaitė, Vilma. Rusijos – Apaštalų Sosto santykių pokyčiai XIX a. paskutiniais dešimtmečiais // Lietuvių Katalikų mokslų akademijos metraštis. XXIII. Vilnius, 2003. Pp. 213-228.
- Žaltauskaitė, Vilma. Žemaičių seminarija Rusijos valdžios projektuose (XIX a. 7–8 dešimtmečiai) // Lietuvos aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 2002. LII. Pp. 39-45.

ARCHIVES

- Archive of the Kaunas County (KAA). F. I – 50.
- Lithuanian State Historical Archive (LVIA). F. 694; F. 696; F. 378.
- Russian National Library, Manuscripts Division (OR RNB). F. 16.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Library; F. 821.